

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПЕСНИ Клавдии Шульженко

Фронтальной джаз-ансамбль Ленинградского дома Красной Армии имени С. М. Кирова в один из дней первого года войны давал концерт в горно-стрелковой бригаде. После концерта к солистке ансамбля подошел стройный молодой лейтенант и, смущаясь, признался, что написал новые слова к известной мелодии Иржи Петербургского.

В тот же день артистка исполнила — после единственной репетиции — новую песню. А затем не было концерта, на котором зрители не просили бы спеть или повторить «Синий платочек», и не было случая, чтобы певица отказалась сделать это. Потому что она была настоящей Певницей.

Была. Слово это теперь, когда ее не стало, приобрело особый смысл. Была. Но не стало человека. Дело ее, песни ее, имя ее остались с нами.

Немного не дожила Клавдия Ивановна Шульженко до 40-летия Победы, той Победы, которой отдала так много.

— Последнее время стало болеть сердце, — говорила она в беседе, на которую любезно согласилась, хоть и нездоровая была. — Болит сердце. Я ведь столько пережила: блокада, Дорога жизни, Волховский фронт, только за первый год войны — 500 концертов. Как-то у меня спросили: «Когда вы выступали в госпитале, что чувствовали?». Я видела перед собой только белую марлю! Это страшно. Все беды я всегда близко принимала к сердцу, за всех переживала. Да и как не переживать. Сколько горя перенесли наши люди, сколько утрат, сколько сиротства было кругом... Хотя и говорят, всего горя не унесешь, я несла сколько могла...

Ей писали всю жизнь. Солдаты, фронтовики, ровесники, дети фронтовиков. Письма лежали грудой на столике. «Это пришедшие в последнее время», — сказала она и разрешила посмотреть, выписать отдельные строки:

«Ваш концерт запомнился мне на всю жизнь, хотя мне не удалось дослушать его до конца — вызвали в боевой дозор...»

«Ваш «Синий платочек» стал для моего отца лебединой песней. Во время концерта начался артобстрел, а когда вы снова стали петь, его уже не было в живых...»

«И вот война. Эвакуация... У меня нет ничего, кроме самого дорогого — фотографий родителей и двух ваших пластинок...»

К сожалению, не записал авторов этих строк. Но помню, что и они, и многие другие спрашивают: «Может, вы помните этот концерт?»

Клавдия Ивановна грустно улыбалась. Как даже в самые тяжелые времена люди верили и мечтали. Они просили ее, чтоб было, как в мирное время, чтобы пела она в платье, а не в военной форме, которую выдавали ансамблю, то есть фронтовой бригаде. Она все помнила: как отдавали свою жизнь солдаты и умирали друзья и коллеги от пули, от истощения, дистрофии; как благодарно аплодировали рабочие Ленинграда, но — беззвуч-

но, потому что берегли силы, а у кого-то их просто не было; как однажды девчонки фронта подарили ей букетик полевых цветов, собранных на нейтральной полосе, которая простреливалась. Все помнила из этой фронтовой жизни. А концерты лишь некоторые.

Один из самых памятных, рассказывала Клавдия Ивановна, пятисотый концерт фронтового джаз-ансамбля состоялся 12 июля 1942 года на сцене Ленинградского дома Красной Армии. В тот день им дарил цветы, преподносили адреса, говорили теплые слова.

И с особым чувством вспоминала она вечер 10 апреля 1976 года, состоявшийся в Колонном зале Дома союзов, концерт, на который попасть было невозможно, который слушали по радио и смотрели по телевизору, отложив все свои дела, миллионы людей.

— Я не боялась и не боюсь признаться — я отмечала семидесятилетие и пятидесятилетие творческой деятельности, — говорила Певница.

В чем же секрет поистине всенародной любви к ней, секрет такой долгой творческой жизни?

В своей книге «Когда вы спросите меня...» Клавдия Ивановна писала: «Социальный заказ... понимала не как указание, что мне делать в песне, а как долг души перед моими слушателями, как собственную потребность рассказать им в лирической песне о том «прекрасном и яростном мире», в котором мы живем».

Все ее песни — о любви: не только о двух любящих сердцах, но и о любви к земле, где родилась и вырос, к людям, среди которых живешь, к друзьям и близким, к Матери и Родине.

...Такое нельзя забыть. Навсегда запомнил я удивительную (хотя вроде бы совсем обычную) квартиру ее с множеством фотографий на стенах, гостиную в золотистых обоях, где рояль орехового дерева занимал главное место. И вот она подсадела к нему и стала напевать:

Я когда-нибудь оставлю все дела
И куплю билет до дальнего села...

Потом замолчала, долго сидела склонив голову и рукой прикрыв глаза. Я почувствовал такую душевную тяжесть, как будто озноб меня прошиб... А когда она успокоилась, тихо сказала:

— Я назвала эту песню «Размышление», в ней рассказывается о человеке, когда-то покинувшем свое дальнее село, поля, где бродил он, березы, кусты калины, навсегда запечатлевшиеся в сердце... Встреча с памятью. В жизни каждого из нас она случается... Только что она несет уму, душе... Я об этом часто думаю...

Но сегодня слова эти воспринимались совсем по-иному...

Всю свою жизнь она оставалась верной своей песне, несмотря ни на что. А это бывало не просто.

«Молодая, талантливая, изба-

лованная успехом, уловившая настроение послевоенных лет, Шульженко в полном смысле слова в те годы царит на эстраде» — и так писали о ней. А жюри Первого всесоюзного конкурса артистов эстрады уже не может не назвать Шульженко в числе лауреатов. Так она утверждала себя, право на свои песни, на самобытность.

Клавдия Ивановна Шульженко не исполнилось и семнадцати, когда она была принята в Харьковский театр известного режиссера Н. Н. Синельникова. Она любила рассказывать следующую историю, которая присутствует почти во всех интервью с Певницей. «Что мы умеем, девочка?» — спросил Николай Николаевич, когда она прибежала, потому что боялась за дорогу потерять решимость поступать в театр. — «Все! — выпалила девочка. — Петь, танцевать, декламировать». Ей не было и двадцати, когда Харьков аплодировал ей и кричал «бис». Не было и двадцати пяти, когда Шульженко узнала вся страна.

Отец Клавдии Ивановны, по профессии бухгалтер, прекрасно пел и играл в духовном оркестре. Он-то и привил дочери любовь к песне. Наставник Шульженко Н. Н. Синельников действительно замечательный режиссер, научил ее, «девочку», не просто исполнять песню, а играть ее. У Клавдии Ивановны были настоящие друзья, которые помогали найти ей песни и писали специально для нее. Павел Герман, Евгений Брейтгам, Юлий Мейтус, Исаак Дунаевский, Василий Соловьев-Седой. «Кирпичики», «Записка», «На санках», «Синий платочек», «Давай закурим!», «Три вальса», «Руки», «Однополчане», «Письмо матери», «Товарищ гитар» — не перечислить. Запомнились, полюбили. Прежде всего благодаря ей, недаром мы говорим «песни Клавдии Шульженко» и авторов зачастую-то не помним. Есть в этом смысл свой. Ведь сколько труда вкладывает исполнитель в песню, чтобы она зазвучала. Долгие ежедневные часы за роялем, мучительные поиски правильной интонации, нужного жеста. Клавдия Ивановна вспоминала, что два года не могла взяться за ноты «Трех вальсов», боялась: не сумеет передать настроение, спеть так, как хотелось бы.

Все это не проходит даром. Стало постоянно тревожить сердце.

Запахло в квартире лекарствами, по целым неделям не поднималась крышка рояля.

— Думала в апреле спеть концерт, а к репетициям еще не приступала, — жаловалась Клавдия Ивановна в предыюбилейные дни в 1981 году, — сердце.

И, отмечая семидесятипятилетие Певницы, Всесоюзное радио транслировало другой ее концерт.

А на новый так и не хватило сил. Но она не переставала верить, что споет еще...

М. ДМУХОВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Клавдия Шульженко.